

„СКАЗКИ ГОФМАНА“

„Сказки Гофмана“ — одна из немногих комических оперь Оффенбаха. В ней как-бы сосредоточилось все значительное, художественное таланта знаменитого творца оперы-буфф. Тотъ налетъ фривольности, музыкальной сальности, которымъ покрыта большая часть сочинений Оффенбаха, въ „Сказкахъ Гофмана“ почти отсутствуетъ. Правда, и здѣсь композиторъ мало задумывался надъ выборомъ темъ, надъ гармоническими красками. Привычка заносить на бумагу первую попавшуюся мысль, пользоваться дешерыми эффектами сказалась и въ комической оперѣ. Это чувствуется съ первой ноты. Съ первыхъ аккордовъ вступленія — передъ вами творецъ „Прекрасной Елены“, „Периколлы“...

Въ этомъ безшабашномъ, чисто французскомъ жанрѣ проходить первое дѣйствіе. Нѣсколько иную окраску даетъ композиторъ слѣдующимъ картинамъ. Здѣсь онъ ближе къ сказкѣ, къ тому изяществу, къ той неглубокой, окутанной легкой дымкой фантастикѣ, той благоухающей поэзіи, которыя такъ пышно расцвѣли въ комической оперѣ Делиба и другихъ великихъ французовъ. Оффенбахъ не художникъ-реалистъ. Не въ его средствахъ охарактеризовать тотъ или иной типъ, даже поверхностно. Не для него богатая оркестровая палитра. Его сила — въ кантиленѣ. Поэтому нѣжная, хрупкая куколка Олимпія, поэтичная Джульетта, страдающая Антонія — мелодически очерчены имъ одинаково изящно, ажурно, тепло.

По этой-же причинѣ слишкомъ безцветно, по-опереточному грубо изображенъ Коппеліусъ. Благородный, фантастическій типъ у либреттиста — онъ сплошной минусъ у композитора.

Гораздо интереснѣе Оффенбахъ въ второстепенныхъ партіяхъ. Последнія выписаны съ нѣкоторымъ мастерствомъ. Взяты хотя-бы Франца. Здѣсь чувствуется искренній юморъ, мѣткіе, характерные штрихи.

Въ цѣломъ „Сказки Гофмана“ во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ если и не серьезный музыкальный интересъ, то, вѣрно, случай, довольно значительный матеріалъ для красивой постановки.

Главное, конечно, въ сценическомъ отношеніи.

Судя по предыдущимъ постановкамъ Новый театръ могъ-бы сдѣлать изъ „Сказокъ Гофмана“ нѣчто волшебное. Перенести насъ въ міръ дѣтской сказки, не избыточный грёзъ. Но этого не случилось.

Художественная тенденція театра отодвинула, уступивъ мѣсто гастролирующаго Г-жа Люде. Ея колоратурѣ.

Все остальное было такъ прозаично, такъ мало подготовлено, что какъ-то не вѣрилось, что театръ воскресилъ къ новой жизни „Ворона Годунова“, „Юдифь“...

Если-бы режиссера заинтересовала опера, онъ не поставилъ-бы такъ прозаично сцену въ кабацкѣ, далъ-бы болѣе фантастическую окраску сцены третьяго дѣйствія. Но о декоративной сторонѣ спектакля, которая играетъ, кстати сказать, въ „Сказкахъ Гофмана“ большую роль, лучше не упоминать. Здѣсь сплошная безвкусица, мишура, если не сказать — убожество. Это не сонъ поэта-музыканта, влюбленного въ мечту, а грубая, неприкрытая дѣйствительность, еще болѣе подчеркнутая безконечно-длинными антрактами.

Таково вѣдшее впечатлѣніе отъ спектакля. Нужно-ли прибавить, что не было и тѣснаго, художественнаго ансамбля у исполнителей. Снова приходится констатировать, что удачной передачей роли отдѣльнымъ артистомъ нельзя создать цѣлаго, интереснаго спектакля. Въ данномъ случаѣ весь интересъ сосредоточивался на одной г-жѣ Люде. Ея исполненіе роли Олимпіи можно назвать съ технической стороны образцовымъ. Артистка во всѣхъ отношеніяхъ подходитъ къ партіи, каждое движеніе, каждая нота продуманы, выработаны ею. Во второмъ дѣйствіи нѣсколько суховатый, матового тембра звукъ пѣвицы какъ нельзя больше подошелъ къ замыслу автора. Г-жа Люде артистически подражаетъ въ игрѣ въ пѣніи куколѣ-автомату. Ея безукоризненной колоратурѣ есть гдѣ развернуться, удивить слушателя. Повторю — это единственная притягательная сила спектакля, его положительная сторона.

Партнеръ Олимпіи — г. Южвинъ. Я не поклонникъ этого артиста. Голосъ грубый, глухого тембра. Поетъ тяжело съ вѣчно форсированнымъ звукомъ. Таково, по крайней мѣрѣ, вѣдшее впечатлѣніе. О сценическомъ дарованіи артиста распространяться излишне. Гдѣ образъ мечтателя-поэта, увлекающагося, экспансивнаго? Его не было даже въ проектѣ, въ общихъ чертахъ. Мнѣ кажется, мѣнѣе подходящей партіи для г. Южина трудно было придумать. Въ особенности по сравненію съ г-жей Люде.

Остается сказать о Коппеліусѣ — г. Вѣковѣ. Артисту не удалось придать того фантастическаго, сказочнаго характера, который отмѣченъ либреттистомъ. Впрочемъ, въ этомъ и нельзя винять г. Вѣкова, такъ какъ не ему предназначена была роль, а въ болѣзнь его сотоварища, г. Сперанскаго, виновата судьба.

Типиченъ въ небольшой партіи Франца г. Эрнстъ. Въ мѣру смѣшонъ, корректенъ въ пѣніи. Остальные роли настолько незначительны и эпизодичны, что на нихъ останавливаться не буду. Дирижеръ, г. Пазовскій, не оживилъ спектакля, не внесъ того тонкаго анализа даже несложной партитуры, того изящества и ансамбля, какіе мы привыкли видѣть у г. Купера.

Спрашивается: стоило-ли возобновлять „Сказки“ въ подобной постановкѣ? Отвѣтъ ясенъ самъ собой.

НИК. КУРОВЪ.